

Е.Н.Петухова

О ПРОБЛЕМАХ ВЫБОРА И ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Языковая личность, которая была одновременно формируемой и формирующей, все больше становится формирующей по отношению к литературе. Современная художественная литература, скорее, отражает языковую личность, чем формирует ее. Однако для иностранных учащихся литература остается важным условием постижения русского языка и формирования их вторичной языковой личности. Перед преподавателями русского языка как иностранного неизбежно встает проблема выбора художественного текста: классический или современный. Иностранные студенты-нефилологи обычно предпочитают современные тексты, и многое говорит в их пользу, однако практика показывает, что современные произведения нередко оказываются не менее трудны для адекватного понимания, чем классика, поэтому очевидна необходимость реального комментария, который снимает экстралингвистические трудности. Ценность реального комментария заключается также в том, что после чтения текста он побуждает к диалогу в более широком контексте: социокультурном, историческом, идеологическом.

Ключевые слова: языковая личность, художественный текст, современная литература, выбор, реальный комментарий, притекстовый комментарий, экстралингвистические трудности

На языковую личность современного человека оказывает влияние, прежде всего, язык СМИ, в том числе рекламы, и особенно Интернета. Литература почти утратила свою нормотворческую роль в языке и потому, что ее читают все меньше, и потому, что по мобильности в отражении новых тенденций в речи, в отражении языковой моды она уступает устным публицистическим жанрам и Интернету. Именно там действует обратная связь и происходит взаимовлияние. Фактор интернета и рекламы обусловил сближение разговорного и книжных стилей, в результате речь современного человека в процессе личного и социального общения пестрит сниженной разговорной, жаргонной и обценной лексикой — падает уровень речевой культуры. Эти явления не могли не сказаться на литературе. Языковая личность, которая была одновременно формируемой и формирующей, все больше становится формирующей по отношению к литературе. Современная художественная литература скорее отражает языковую личность, чем формирует ее.

Однако для иностранных учащихся литература остается важным условием постижения русского языка и формирования их вторичной языковой личности. Без чтения художественной литературы невозможно полноценное овладение иностранным языком, которое не означает просто заучивания новой лексики и даже умение использовать ее в собственных речевых высказываниях в соответствии с правилами грамматики. Развитие индивидуального иноязычного речевого опыта предполагает адекватное понимание чужого высказывания на иностранном языке, далеко не всегда имеющего прямолинейное значение, и способность выразить на нем собственные чувства и мысли. Художественный текст как способ коммуникации — это «вторжение в систему сознания реципиента, построение в его когнитивной системе определенной модели мира» [1, с. 105]. Кроме того, именно художественный текст обладает большим лингводидактическим и страноведческим потенциалом. Значение художественной литературы в процессе обучения и «самообучения» отметил Ю.М.Лотман: «<...> во-первых... в любом, даже предельно индивидуализированном, языке не все индивидуально: неизбежно наличествуют уровни, общие для всех участников коммуникации <...>. Во-вторых, это «индивидуальное» и новое неизбежно стоит на определенной традиции, память о которой актуализирована в тексте. Наконец, в-третьих, язык искусства <...> обязательно включает элементы рефлексии над собой <...> чем индивидуальнее художественный язык, тем более места занимает авторская рефлексия, направленная на язык и включенная в его же структуру. Текст сознательно превращается в урок языка» [2, с. 18-19].

Перед преподавателями РКИ неизбежно встает проблема выбора: что читать в аудитории при уровне языковой подготовки учащихся не ниже В2? Иностранные студенты и стажеры проявляют активный интерес к современным произведениям, поскольку в них не только представлена современная живая речь, но, как они ожидают, отражена современная российская действительность, бытовые реалии, хотя это не всегда так, ведь современные писатели часто обращаются к прошлому: к теме сталинских репрессий, к Великой Отечественной войне, к перестройке. Очень важно для адекватного понимания текста наличие в нем «общего уровня», то есть, «общих» мест — информации, известной и автору, и читателю. Помимо этого в тексте в разной степени получают выражение артефакты общей для автора и читателя культуры (для европейских читателей это, например, популярные произведения европейской литературы, кинофильмы, модные современные музыкальные группы, имена артистов и режиссеров, значительно реже — то же самое из русской культуры). Крайне сложно учитывать то, что называют «обращенностью текста»: психологическая соотнесенность писателя и читателя, когда текст находит своего читателя [3, с. 210], в иностранной неоднородной аудитории это практически нереально.

Казалось бы, что и наличие «общих» мест, и актуализированность, и читательский интерес говорят в пользу современных произведений. Однако при обращении к современным художественным текстам и в

филологической аудитории и, особенно, в нефилологической нередко обнаруживается, что для восприятия они не менее трудны, чем классические как по языку, так и по содержанию и заключенным в них смыслом. Почему? Русская литература конца XX—начала XXI веков переживала период своеобразной эклектики стилей, смешения реализма, неореализма, экспрессионизма и постмодернизма, при этом она имела и имеет множество аллюзийных связей с классической литературой. Характер обращений писателей к классике вступает в противоречие с представлением о понятии «традиция», предполагающей бережное и уважительное отношение к наследию прошлого, осознание его как эталона. Под влиянием постмодернизма использование классического наследия декларируется как его переосмысление, которое часто представляет собой не что иное, как опровержение философских и идейных посылов классических текстов. Претекст подвергается реконструкции, ее результатом становится изменение первоначального замысла, доходящее порой до абсурда. При этом многие современные авторы: Ю.Буйда, В.Пьецух, Б.Акунин, Л.Петрушевская, А.Слаповский, Г.Щербакова («Яшкины дети»), Л.Улицкая — стремятся к узнаваемости источника, используя аллюзийные названия, сохраняя конфликт или сюжетную канву претекста, имена персонажей.

Л.Улицкая в рассказе «Большая дама с маленькой собачкой» выстраивает шуточный полемический диалог с классиком, создавая антипод чеховской героини. Она, с одной стороны, развлекает читателей легким пересказом чеховского сюжета, с другой — касается важных тем: смены гендерных ролей, произошедшей за столетие, понятия «футлярной» жизни, отличающегося от классического. Помимо перелицовывания чеховских образов, Л.Улицкая использует в рассказе чеховские же приемы: в частности, ситуацию «казалось — оказалось». Эту же ситуацию разыгрывает и Ю.Буйда в рассказе «Химич», в нем «футлярный» человек изображен со знаком плюс: он оказывается лучше окружающих, презирающих его, и заслуживает любовь замечательной девушки, но умирает от сердечного приступа. Напротив, Г.Щербакова, дав чеховские названия всем рассказам из последнего прижизненного сборника «Яшкины дети», экстраполирует хрестоматийные сюжеты на современность и через их радикальную трансформацию изображает деградацию современного общества и человека. Авторские подсказки и отсылки, помогающие русскоязычному читателю, могут ничего не говорить студенту-иностранцу. Историко-литературный комментарий не спасет положение. Получается, что для понимания такого рода текстов предварительно следует прочитать претексты.

Предпочтение из современных произведений следует отдавать не модным ремейкам, пастишам, сиквелам, а оригинальным текстам или текстам, наследующим и развивающим особенности поэтики классиков, но не содержащим непосредственные отсылки к ним. В качестве примеров приведу рассказ Т.Толстой «Петерс» и рассказ З.Прилепина «Белый квадрат». «Петерс» — история «несостоявшегося» человека, несчастливой, неудачливой, таких героев немало у Чехова, они и виноваты, и не виноваты в том, как живут. В одном из интервью Т.Толстая сказала, что ее интересуют «люди с обочины жизни». В своем рассказе генезис характера такого человека она сводит к семейной драме, оставшейся за рамками сюжета, и к уродливому воспитанию мальчика, хотя равнодушие и пренебрежение окружающих по отношению к уже взрослому Петерсу тоже сыграли свою роль. Повествование пронизано иронией и одновременно сочувствием, что вполне в традициях русской классики. Ничем не примечательный, внешне непривлекательный, пассивный, инфантильный, Петерс мог только хотеть, мечтать, но не умел действовать, при этом он доверчив, наивен, никому не причиняет зла, окружающие воспринимают его как чудака или «дебила». Автор изображает бесцветную, бедную событиями жизнь своего персонажа, прибегая к широкому арсеналу экспрессивных языковых средств, особенно к метафорической образности, которые позволяют раскрыть способность героя-аутсайдера остро чувствовать, переживать, иронично глядеть на себя. Его судьба вызывает сопереживание читателя, пробуждает гуманные чувства добра и милосердия к слабым и беспомощным — таким образом интерпретируется тема «маленького человека», важнейшая в русской классике. Трудность для иностранного студента представляют не бытовые реалии, не исторический контекст, то есть, не экстралингвистические факторы — сюжет вполне «вневременной», — а образность речи. Сюжет понимается студентами легко, а смысл ускользает, характер трактуется поверхностно. Обычного лексического комментария недостаточно, преподавателю предстоит работать именно над средствами создания лексической образности текста, более изощренной, чем в классических, а это сложная задача, не для каждой иностранной аудитории. Следовательно, и к выбору оригинального современного текста надо подходить дифференцированно, он должен быть по силам студенту-нефилологу гуманитарного вуза.

Рассказ «Белый квадрат» — один из лучших в сборнике Прилепина «Грех». Он написан в форме воспоминаний героя, который не может забыть трагический эпизод из своего детства, когда во время игры в прятки погиб мальчишка, бывший его кумиром. Повзрослевший герой ведет с ним мысленный диалог, его мучит чувство вины, которой, скорее всего, и не было. Именно это и должен понять читатель: а был ли виноват шестилетний мальчик? Если нет, почему он не находит себе покоя? Этот рассказ с большим успехом «проходит» в иностранной аудитории, выразительность текста достигается без усложненной метафоричности и запутанного синтаксиса, сюжет достаточно прост, а два временных пласта — давно привычный прием в литературе. Лексический комментарий невелик и не так сложен, хотя в тексте немало просторечных, жаргонных слов и словосочетаний: они имеют однозначные синонимы в литературном языке. Однако лексический комментарий не снимает всех трудностей. Нужен реальный комментарий, роль которого сейчас признают многие преподаватели. Цель реального комментария — дать пояснения к упоминаемым в произведении фактам культуры, лицам, событиям, предметам. Разновидностей комментируемых реалий

множество: географические, этнографические (наименования, имена и прозвища), мифологические и фольклорные, бытовые, общественно-исторические (события, даты, названия учреждений, организаций, звания, предметы обихода, приметы времени). Реальные комментарии различаются степенью подробности и полноты охвата материала, они не должны быть пространными, чтобы не отвлекать от текста, поэтому для студентов-иностранцев желательно выбирать произведения, не перегруженные экстралингвистическими трудностями, нужно помнить об «общем» фоне. Реальный комментарий к «Белому квадрату», например, объективно минимален: достаточно указать на время действия, пояснить, что за игра «прятки» и что значит «водить» в игре, объяснить выражения «чур меня» (не этимологию, а значение в игре), «казачий гик». Возникает вопрос о месте реального комментария: быть ли ему предтекстовым, послетекстовым или притекстовым. Предтекстовый комментарий может обеспечить фоновые знания, необходимые для восприятия конкретного текста, и устранить экстралингвистические трудности. Действительно, произведение лучше читать, когда студенты получили представление о важных для понимания фактах и времени действия — о ситуации действия, но в случае пространного комментария часть информации может не запомниться или заслонить собой текст. Послетекстовый не нужен, так как процесс чтения будет прерываться частыми обращениями в конец текста за объяснениями неизвестных реалий, событий, фактов. Притекстовый комментарий — необходимый элемент работы, например, если в процессе чтения не прокомментировать, что такое прятки, а это ключевой элемент сюжета в «Белом квадрате», то дальнейшее чтение теряет смысл.

Реальный комментарий не отменяет при этом привычной предтекстовой и послетекстовой работы, направленной на устранение чисто языковых трудностей и на проверку понимания сюжета и смысла произведения. Значение реального комментария не только в снятии экстралингвистических трудностей, но и в том, что после чтения текста он побуждает к диалогу, выходящему за рамки литературного произведения: в страноведение, культурологию, историю, — таким образом, текст включается в более широкий социокультурный, исторический, идеологический контекст, что способствует углублению языковой компетенции в различных аспектах.

1. Тураева З.А. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 105-114.
2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.
3. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе). М.: Тривола, 2000. 248 с.

References

1. Turaeva Z.A. Lingvistika teksta i kategoriya modal'nosti [Linguistics of text and category of modality]. Voprosy yazykoznanii, 1994, no. 3, pp. 105-114.
2. Lotman Yu.M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow, 1999. 464 p.
3. Belyanin V.P. Osnovy psikholingvisticheskoy diagnostiki (Modeli mira v literature) [Fundamentals of Psycholinguistic Diagnostics (World models in literature)]. Moscow, 2000. 248 p.

Petukhova E.N. Teaching modern Russian literature to international students. Reading literature has always had a great impact on reader's personality being just one of the cultural forms that shape our identity and consciousness, but modern literature rather reflects readers' personality than shapes it. However, for international students majoring in non-linguistic disciplines, literature remains an important requirement for understanding the Russian language and Russian culture, thus forming the 'secondary linguistic personality'. Teachers of Russian as a foreign language inevitably face the problem of choosing between classic or modern works of literature to use in class. International students majoring in non-linguistic disciplines usually prefer contemporary fiction to classics. We conclude that modern fiction is quite difficult to understand for foreign students and there is a need for extralinguistic commentary. Facilitated discussion on modern literature is also found to be positively associated with increased understanding of own and others' cultural and world-views, encouraging dialogue in socio-cultural, historical, ideological contexts.

Keywords: linguistic personality, artistic text, modern literature, selection, real comment, pretextual commentary, extralinguistic difficulties.

Сведения об авторе. Елена Николаевна Петухова — кандидат филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный экономический университет, гуманитарный факультет, кафедра русского языка и литературы; pen9@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.11.2019. Принята к публикации 30.11.2019.